

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть воина

Смерти нет

Дерзкий

Я в роду старший

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ

Княжья Русь

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Иллюстрация на переплете художника
Валерия Петелина

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Княжья русь / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. — (Варяжская Русь).

ISBN 978-5-04-155389-0

Сын великого Святослава Владимир победил. Теперь он — великий князь киевский. Правление свое он начал с разрушения христианских церквей и воздвижения капищ. Но на одном лозунге «За старых богов!» государства не построишь. Надо воевать с врагами, надо оборонять рубежи, собирать сильную дружину, искать союзников и карать врагов. Трудно строить державу молодому князю, не только славному, но и любвеобильному. Но у него получится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А.В., текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-155389-0

Дорогие мои читатели! Я искренне рад тому, как был воспринят «Язычник». Было у меня опасение, что переход, пусть и постепенный, через «Князя» и «Героя», от жанра авантюрно-приключенческого к жанру «классического» исторического романа будет труден не только для меня, но и для вас. Тем более радостно было узнать, что современный читатель готов понимать и принимать действительно сложный текст. Текст, в котором Госпожа История не просто фон, контекст, а главная составляющая сюжета.

Спасибо всем, кто не счел за труд в той или иной форме высказаться по поводу моей трактовки событий того времени. И соглашусь с теми, кто считает, что никто и никогда не узнает в точности, как всё это было на самом деле. С позиции исследователя можно говорить лишь о большей или меньшей степени достоверности.

А вот с позиции писателя никакой двойственности быть не может. Чтобы вы, друзья мои, поверили мне (а иначе я был бы никудышным писателем), я должен видеть то, о чём рассказываю. Как писал в свое время Роберт Макки в книге «История»¹ о нас, писателях: «Я считаю, что мы не отвечаем за излечение социальных недугов, возрождение веры в человечество, за воодушевление общества и даже не должны раскрывать свою внутреннюю суть. У нас есть только одна обязанность — говорить правду».

¹ «Story», так называется эта книга. То есть история — в смысле рассказ, а не наука. В русском переводе ее название «История на миллион долларов». Но это уже особенности нашего менталитета.

Вот, собственно, и всё. И вот почему и в этой книге нет истории обращения Владимира. Увидеть эту правду я пока не сподобился.

Однако история преобразования княжьей руси, ближних и дальних торговых и воинских представителей киевского князя в государство, в централизованную державу, по-моему, вполне достойна отдельной книги.

Ну а для тех, кто все-таки предпочитает авантюрно-приключенческую литературу, добавлю: приключений в этом романе хватает. Как всегда — в переломные эпохи.

Древние китайцы желали своим врагам «жить в эпоху перемен». Но нам, живущим именно в такое время, время создания и крушения империй, время стремительных и необратимых изменений, нам это привычно. Однако, чтобы выживать и побеждать, одной привычки мало. Необходимо хотя бы примерно представлять собственное будущее. И не в контексте «всё плохо, а будет еще хуже», а с пониманием, со знанием того, что будущее — будет. А для этого нам просто необходимо время от времени оглядываться назад. Нам просто необходимо знать историю мира, в котором мы живем, чтобы смотреть на события не с крышки помойного бачка, а с высоты тысячелетнего опыта человечества.

Ну и кроме того, это просто очень интересно. Ведь никакой писательской фантазии не хватит, чтобы придумать такие сюжеты, какие запросто создавала Госпожа История.

*ориентированное главным образом на тех,
кто не читал предыдущих книг*

Краткая историческая справка

Время — девятьсот восьмидесятый год от Рождества Христова, если исходить из отечественных источников.

Владимир только-только вокняжился в Киеве. Город он занял мирно (силой бы вряд ли взял), затем хитростью, с помощью боярина Блуда, доверенного лица Ярополка, Владимир заманил своего единокровного брата в ловушку, где Ярополк был людьми Владимира предательски зарезан.

Учитывая, что третий сын Святослава, Олег, был убит (вернее, погиб от несчастливой случайности во время усобицы с Ярополком), то конкурентов у Владимира больше нет.

Однако положение у князя непростое. Он пришел в Киев, поддержанный северянами (новгородцами и другими), а поддержку эту ему обеспечила не только извечная вражда Новгорода и Киева, но и обещание выкорчевать посаженные еще Ольгой ростки христианства. Его девизом было «За старых богов!», и он пользовался безусловной поддержкой всех язычников, включая и большинство киевских ревнителей старой веры. Это было тем более удобно, что по языческим канонам убийство Ярополка шло Владимиру в плюс, а не в минус. Убийца вождя — законный его наследник.

Однако сил ополчения для победы было явно недостаточно, поэтому с Владимиром в Киев пришли скандинавы. Тут были и люди из собственной дружины Владимира, и его родственники, и обычные наемники-викинги, рассчитывавшие поживиться в богатых городах Гардарики. Публика самая разная. Например, брат первой жены Владимира Олавы. И племянник Владимирова воеводы Сигурда, совсем юный, но уже весьма шустрый Олав Трюгвисон — сын убитого конунга Норвегии. И еще прорва всякого сброда, крайне огорченного тем, что Киев не был взят силой и, следовательно, не отдан на разграбление.

Собирая войско, Владимир взял на себя немалые обязательства. Теперь по этим обязательствам надо было отвечать.

Обязательства перед наемниками-скандинавами были денежные, перед язычниками-словенами — моральные. Ответить по вторым было проще. Христиан Владимир прижал легко: поручил церкви, возвел капища и тем изрядно укрепил свои политические позиции.

А вот разобраться со скандинавами было посложнее. Денег у Владимира было — в обрез. Гражданская война удовольствие недешевое и малоодоходное. Первым делом он разделил силы «противника». Часть его сторонников-скандинавов получила бонусы — земельные наделы. И сразу оказалась в оппозиции к тем, кто получил дырку от бублика. Так у Владимира появилась возможность (то есть — сила) сообщить остальным наемникам, что платить по счетам он не собирается. Тем более что Владимиру они были больше не нужны. Теперь его главными противниками были степняки-печенеги, а в степи от пешего войска викингов толку немного. Викингам такой оборот событий, как и следовало ожидать, пришелся не по вкусу. Прямо выступить против Владимира им теперь было не по силам, а вот расползтись по окрестностям и грабить его подданных — это запросто.

Проблему надо было решать, и решать быстро, потому что «бесхозные» викинги были не единственной опас-

ностью. Были еще поляки, захватившие на западе кусок владений киевских князей — так называемую Червонную Русь. Были «партизаны» в землях кривичей (те, кто служил убитому Владимиром Рогвольду), были племена-данники, которые воспользовались случаем, чтобы выйти из-под протектората киевских князей.

Владимиру предстояло решить все эти проблемы. И не откладывая. Надо было срочно показать свою силу. Да, конкурентов на киевское княжение у Владимира не было. Однако если не принять срочных мер для удержания подданных земель, то существовал риск того, что от немаленькой державы, контролирующей огромную территорию, останется одно только Киевское княжество. Обидно, однако.

Краткая сюжетная справка

Одним из главных героев «варяжского цикла» (Княжья Русь — шестая его книга) является выходец из XX века Сергей Духарев, он же — боярин Серегей, воевода князя Святослава, человек в Киеве весьма уважаемый и авторитетный. Вдобавок — невероятно богатый, потому что унаследовал от брата своей жены (и расширил изрядно) развитую торговую сеть, состоящую не только и не столько из движимого и недвижимого имущества, сколько из полезных связей и контактов. Позиция Серегея усиливалась доскональным знанием геополитической ситуации как на западе, так и на востоке. А также тем, что киевский боярин Серегей одновременно являлся полноправным гражданином ряда городов Западной Европы (что давало ему права на выгодную торговлю и доступ к первым лицам) и законным, даже титулованным гражданином Византии, что опять-таки давало ему права торговать в Восточно-Римской империи. Чужеземцам такое не позволялось. Они могли лишь продать свои товары византийским перекупщикам (часто по фиксированным и изрядно заниженным ценам) и купить у них то, что разрешено к экспорту Палатием.

У боярина Серегея было два сына. Артем — воевода Ярополка, а затем и Владимира, муж внучки князь-воеводы Свенельда и посаженный (Владимиром уже) князь уличский — один из тех, кто должен был защищать границы княжества от набегов.

Второй сын, Богуслав, — попроще. Он — сотник киевской дружины, но в жизни успел многое. Например, стать любовником дочери Рогвольда Полоцкого Рогнеды. Еще до того, как Владимир убил Рогвольда и сделал его дочь своей младшей женой. О связи Богуслава и Рогнеды он, к счастью, не знает. Еще младший сын боярина Серегея успел поссориться с главным жрецом Сварога, и тот, обиженный, устроил так, что имя Богуслава оказалось на жребии, который указывал на будущую жертву, угодную Сварогу.

Жребий этот забрал Владимир, который, во-первых, был немало обязан роду Серегея, а во-вторых, был главным жрецом одного из конкурентов Сварога — варяжского Перуна.

Забрал, но не аннулировал, так что жизнь Богуслава всё еще была под угрозой.

Тем более что Богуслав — христианин. Как и все в роду боярина Серегея. А еще жена боярина Сладислава — внучка болгарского царя по женской линии. Об этом, впрочем, знают только она сама и ее муж.

Кроме того, у боярина Серегея имеется дочь. Она замужем за Йонахом, сыном Машега, давнего друга Серегея и одного из самых знатных хазарских вождей, едва не казненного своим каганом, но сохранившего влияние, изрядную часть богатств и замечательные воинские навыки степного вождя в двадцатом поколении.

Такова общая картина. Должен также напомнить, что и Сергей Духарев, и его потомки — герои, придуманные самим автором. Однако они вписаны в исторический контекст так, чтобы их присутствие никоим образом не влияло на ход настоящей истории.

Вот, пожалуй, и всё. Более подробная информация — в предыдущих книгах.

Часть первая
ПЕРУН И СВАРОГ

ГЛАВА 1

Железо и дерево

Темна южная ночь. Тьма лежит и над Горой, и над Подолом. И над новоставленным капищем старых богов, и над древними замшелыми идолами, спрятавшимися под сенью резных дубовых листьев.

Здесь, за частоколом черных от времени бревен со вздетыми на них оберёгами, звериными и человеческими черепами, укрылась низкая темная изба, в которой на жертвенных овечьих шкурах спят вповалку сытые и пьяные «сварожьи дети», младшие служки страшного чужим и своим древнего бога.

Старшие сварги почивают отдельно, за кожаным пологом. Кто — сам, кто — с девкой. Все как на подбор кряжистые, бородатые, суровые даже во сне.

И уж совсем наособицу, за дубовыми дверьми, на мягком ложе из овечьей шерсти покоится главный служитель могучего Сварога. Кудлатая крупная голова главного жреца уютно лежит на мягкой груди дебелий пшеничнокосой девки. Вторая девка, такая же телестая и сисястая, сама устроилась на сварговой груди, и распущенные волосы ее мешаются с кудрявой, как шерсть барашка, сварговой бордой.

В головах ложа, крохотным теплым огоньком, — масляная лампа. Натешившимся плотскими радостями спящим свет не мешает.

Над ложем висит густой дух браги и любовного пота, однако чья-то заботливая рука уже побеспокоилась о будущем пробуждении главного жреца, и на полу, рядом с ночным горшком, — вместительный кувшинчик с капустным рассолом.

Огонек изложницы — единственное светлое пятнышко на всем спящем капище, и это — на руку тем двоим, что среди ночи закинули крючья-когти на украшенные черепами колья изгороди.

— Медведь? — чуть слышно спросил один из них.

— Был да сдох, — так же тихо ответил второй. — Брагой опоили.

— Вот дурни, — первый блеснул улыбкой. — Вперед, брат?

— С Богом, — ответил второй, и оба, слаженно, быстро перебирая веревки руками, взлетели на частокол и прыгнули вниз.

Однако ж не все живое спало на капище. Спали только люди. А вот огромные кудлатые, полудикие, вскормленные жертвенными внутренностями волкодавы стражу несли бдительно. Свирепые псы не лаяли. С густым утробным рыком они набросились на незваных гостей. Чтобы убивать чужих, им не требовалась помощь человека.

Но — не в этот раз. Двое «гостей», еще в прыжке, добыли оружие: один — недлинный мощный лук, другой — чуть изогнутую саблю. Трижды щелкнула тетива, трижды сверкнула сталь, вспарывая и густую шерсть, и толстую шкуру, и плотные мышцы, будто горячий нож — масло. По-иному и быть не могло для клинка и руки, поставленных на железную чешую панцирей.

Шесть зверей легли на землю, тут же пропитавшуюся кровью.

Стрелок, наклонясь, быстро и умело вырезал стрелы из собачьего мяса.

Второй застыл, ожидая и настороженно вслушиваясь в ночь.

Несколько мгновений — стрелок выпрямился, и оба «гостя», бесшумно и быстро, бросились к избе.

Дверь была открыта — для свежего воздуха, но дух внутри все равно был тяжкий, затхлый. Двое «гостей», никого не потревожив, проскользнули между спящими. Один откинул полог во вторую клеть, второй проник внутрь и чуть слышно прищелкнул языком. Первый проследовал за ним.

Дверь в третью клеть была закрыта. Сквозь щели пробивался желтоватый свет.

Первый достал из сумки на поясе маленькую склянку с маслом и капнул на дверные петли. Второй приоткрыл дверь. «Гости» проникли внутрь.

Главный жрец спал. Из раззявленного рта вырывался храп и смрадный дух перегара.

Двое — один оказался чернявым, второй — светловолосям — разом взяли спящих девок за белые горлышки.

Девки трепыхнулись было, но через пять дюжин ударов сердца так же разом обмякли. Обе были живы, но разбудить их теперь было бы трудно.

«Гости» переглянулись и улыбнулись друг другу, дружно подхватили девок и сложили их поодаль, на устилающую пол не обтертую еще медвежьей шкуру. Потом чернявый присел на край постели, положил ладонь на раззявленную пасть сварга, а другой рукой поднес к переносице жреца короткий нож.

Жрец запыхтел, заперхал, дернулся... Продрал глаза — и обомлел. Стальное жало глядело прямо в зеницу.

— Тихо, тихо... — ласково-строго, будто осаживая взывавшего коня, произнес чернявый и немного отвел клинок.

Сварг скосил глаза к переносице, пробежал взглядом вдоль лезвия, остановил его на недобром лице незваного гостя — и произвольно дернулся.

Второй тут же поставил на волосатый живот жреца ногу в остроносом сапожке с серебряной вышивкой.

Жрец замер, кося выпуклым, налитым кровью глазом то на страшный кинжал, то на еще более страшного гостя.

— Признал, — удовлетворенно кивнул чернявый. — Признал меня, сучий выкидыш.

— Да, во...

Мозолистая рука вновь закрыла сваргов рот.

— Не говори ничего, — негромко произнес гость. — Глазками мигни, этого довольно.

Жрец покорно мигнул.

— Дурень ты, — сказал чернявый проникновенно. — Ужель решил, что мы брата своего тебе, росомaxe дурной блудливой, отдадим? А может, ты не сам гнушь такую придумал? Может, подсказал кто?

Сварг бешено завращал глазами, замычал...

Чернявый убрал руку, разрешил:

— Говори.

— То не я, — жарко прошептал жрец. — То Сварогова воля. Кто слушается, тому — кара страшная, неминуемая. И вам...

Мозолистая ладонь опять оборвала и пылкую речь, и смрадный дух, источаемый слюнявой волосатой пастью.

— Пугает, — темноволосый обернулся к блондину. — Нас пугает, пес шелудивый. Кумиром своим пугает. Деревяхой засаленной.

Светловолосый ослабился и предложил:

— Может, язык ему отрезать?

— Шумно будет, — не согласился первый. — Да и кровью может захлебнуться. Но что-то отрезать надо.

— Надо, — согласился светловолосый. — Может, удилице ему укоротим?

И пихнул сапогом соответствующее место.

Вмиг красно-багровая рожа сварга стала синевато-белой.

Темноволосый убрал руку.

— Не н-н-а-адо... — жалобно проблеял сварг.

— Почему? — Темноволосый приподнял бровь.

— Я-я-а... Я-я-а... — Подбородок жреца трясся, как у припадочного.

— Его из сваргов выгонят, — пояснил светловолосый. — У них ежели увечье, так к служению бесовскому, считай, непригоден. Будет не с девками валяться, а нужники чистить.

— Ну девки ему тогда уж ни к чему будут, — резонно заметил чернявый. — А нужники тоже чистить надо. Они ж тут жрут — мы с тобой в походе вдвоем за день столько не съедим, сколько такой вот опарыш в один присест уминает. Так что нужники здешние очень даже в чистке нуждаются.

— П-п-ощадите... — выдавил наконец сварг.

Черноволосый долго смотрел на него. Жрец под его взглядом то краснел, то бледнел.

Наконец незванный гость произнес:

— Ладно. Прощу тебя, дурака. В первый и последний раз. Но если ты еще раз протянешь свои кровавые лапы куда не следует, я лично тебе калеными клещами не только уд, но и язык вырву. И никто меня не остановит: ни князь, ни твой засаленный идол. Веришь мне? — И глянул так, что переполненный мочевой пузырь сварга все-таки не выдержал.

— Фу-у... — брезгливо процедил светловолосый. — Пошли отсюда, братец. Всё он понял.

— Живи пока, — разрешил чернявый. — И помни: теперь твой бог — не дерево, а железо. Вот это железо!

И быстро провел кончиком кинжала по ребрам. Кожа разошлась, и темная кровь вмиг покрыла сваргов бок.

Жрец даже не пикнул.

Темноволосый выпрямился, взял с лавки рушник, вытер сначала кинжал, потом ладонь, которой зажимал сваргу рот. Швырнул рушник жрецу и стремительно-легким движением покинул ложницу.

Светловолосый — за ним.

Задержался только на миг, сделал жест — будто вырывает что-то, засмеялся беззвучно и пропал, не забыв, впрочем, притворить за собой дверь.

Сварг зашипел злобно, схватил с пола кувшин с расолом, жадно выдул половину, прижал рушник к поцарапанному боку, открыл было рот, чтобы закричать... Но задумался. Поглядел на сложенных у лавки беспмятных девок, прислушался... И звать никого не стал.

А что кричать? Он признал гостей. Остановить таких в капище некому. Тут и полного десятка княжьих гридней маловато будет.

Главный жрец тяжело плюхнулся на ложе, поглядел на бок. Кровь уже почти остановилась. Неглубоко резнул вогор. Так, чтобы память была. Сварг это понимал. И еще он понимал, что сейчас ему следует решить, кого он больше боится: страшного ночного гостя или не менее страшного грозноликого бога. Что так, что эдак, а кого-то придется обидеть. И ни тот, ни другой обиды не простят.

В этом главный Сварогов жрец града Киева не усомнился ни на мгновенье.

ГЛАВА 2

Выбор Сварога

Первыми шли жрецы. Обряженные, как положено по обычаю, с подобающими атрибутами и истовыми лицами ведомых богом. За жрецами, а вернее, вокруг них, то обгоняя, то отставая, торопились служки — ражие молодцы с дубинами. За служками — прочий люд. Кто тоже с дубьем, кто с косами, а у некоторых даже луки и сулицы припасены.

Толпа двигалась через город неторопливо, но уверенно. Ворча, как огромный многоголовый зверь и понемногу обрастая сторонниками (коих у сварожьих детей в Киеве было немало), обычными зеваками и городским отребьем, уповающим под шумок пограбить богатеев. По чью душу идет гневный люд, никто не сомневался. Все знали о страшном жребии и о том, что воевода Серегей наотрез отказался отдавать сына.

— Мы Сварогу не служим, — заявил боярин-воевода. — Желаете кого — выбирайте из своих. А жребий ваш — лживый. Ежели кто усомнился, на чьей стороне Правда, так можно и рассудить. В любое время на любом перекрестке.

Желающих рассудить не нашлось. В силу Сварога многие веровали, но скрестить клинки хоть с кем из воеводиноного семейства рискнули бы немногие. Однако эти немногие были сплошь княжьими людьми и кланялись в большинстве не Сварогу, а своему Перуну.

В Киеве говорили, что принудить воеводу должен сам князь. Как повелось. Забрал жребий — верши.

Но князь помалкивал, а в старшей дружине Владимира хоть и было довольно полян, древлян и прочих, да сила их была — не главная.

А тут еще скандинавы. Этим Сварог и вовсе без надобности. У них свой старший бог — коварный и злопамятный Один, не пожалевший глаза за право ведать прошлое и будущее и глядеть невозбранно во все три мира. Так и викинги. Глядят везде и хапают где удастся. Этим и поводу не надо, чтоб городу разор устроить. Не хочет князь раздора. Ну, коли так, то кликнули сварги киевских да окрестных людинов, старым богам верных, и сами пошли справедливость свершить.

Через городские ворота толпа вошла беспрепятственно, а вот у стены, что вокруг Горы стояла, вышла заминка. Затворили перед ними ворота.

Возможно, пошумела бы толпа и ушла: кольями да дубинами стену не разобьешь. Потешились бы внизу, разбили склады купеческие да лавки на рынке — и ушли. Но через малое время ворота открыли.

Оказалось, на страже нынче преданные Сварогу гридни смольнянского воеводы Путяты. А может, жрецы нарочно подгадали именно к этой страже...

Так или иначе, но толпа на Гору взошла. И двинулась меж крепких заборов и каменных стен к давно намеченной цели.

Вел толпу сам главный сварг.

Гора настороженно ждала. Ворота во дворы плотно затворялись и укреплялись железными засовами. Сверху, со стен, на сбившуюся толпу сурово глядели вооруженные луками люди. Сварожьи дети поглядывали на них с опаской, но уповали на силу Сварога, а более всего — на свою многочисленность.

В хвосте толпы, поигрывая топорами, вышагивали нурманы ярла Торкеля. Чувствительные носы викингов безошибочно угадывали возможность поживиться.